

Мы узнали, как в Петербурге, рождавшемся по воле Петра, государственного деятеля, доселе неизвестного Европе, постепенно складывались национальная наука и культура. Поначалу многое копировалось, переносилось с Запада на берега Невы. В таких случаях подобное неизбежно; вспомним, как формировалась русская культура в Древней Руси и в более позднее время.

Но что не подлежит сомнению, так это правильный с первых шагов выбор языка общения молодой русской

науки с Западом. Латынь и европейские языки сразу обеспечивали устойчивую совместную коммуникацию и международное признание. Можно только посочувствовать русскому ученому. Он был поставлен в тяжелейшие условия существования. Ему нужно было, что называется, с ходу осваивать иностранные языки, науку, да еще и обучать молодых соотечественников. Но другого пути не было.

Валерий ЛЕОНОВ

В окружении искажений

В истории библиотечного дела России, как и в истории вообще, один и тот же исторический факт или событие можно рассматривать с двух точек зрения: научной и идеологической. С точки зрения научной, изучение истории библиотечного дела преследует цель выявления, накопления и пересмотра устоявшихся знаний по мере развития общества. С точки зрения идеологической – описание библиотечных событий и фактов, их толкование во многом зависит от власти, и потому история библиотечного дела подвергалась искажениям и фальсификациям. Эту зависимость от власти, видимо, так и не удастся изжить полностью, все определяется степенью взаимопроникновения научной и идеологической сторон друг в друга.

Сегодня библиотековеды располагают богатым арсеналом знаний, разрабатывают новые подходы к их интерпретации и готовы, пусть медленно, распутывать многочисленные идеологические загадки, накопившиеся за прошлые годы. В настоящей статье я попытаюсь очертить некоторые из таких подходов на примере почти трехвековой истории Библиотеки Академии наук (БАН).

Казалось бы, что ни скажешь о Библиотеке Академии наук, как на нее ни посмотришь – возвеличишь, низвергнешь, поместишь в середину, – постоянно преследует ощущение, что ломишься в открытую дверь, а вломившись, хватаешь руками воздух. В самом деле, это уже было, и это известно, и об этом многократно рассказывали и пересказывали в учебниках, монографиях, статьях и диссертациях. БАН, та или иная, у всех на слуху, по крайней мере в Петербурге, как сказал бы Гоголь, и, добавим, не только в библиотечной среде. Однако постоянно присутствует ощущение, что настоящей жизни Библиотеки никто не знает или не хочет знать.

Что мы знаем о ней? Знаем ли мы настоящее, подлинное ее лицо? И если да, то какой она была в детстве,

ранней юности, в пору зрелости? Что ее ждет впереди, какое у нее будущее?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо попытаться воссоздать жизнь БАН без домыслов и вымыслов, следуя документальной основе, максимально приближаясь к реальности, погружаясь в прошлое и чувствуя пульс того времени. Осуществить этот гигантский труд по плечу только историкам, владеющим методикой реконструкции научного объекта. Но в данной ситуации меня, библиотекаря, интересует не мнение историков библиотечного дела (хотя и это важно), а история жизни БАН, увиденная глазами человека, в ней работающего. Другими словами, меня интересует процесс «сотворения» этого удивительного феномена науки и культуры России.

Замысел Петра Первого о создании библиотеки складывался, видимо, спонтанно, исходя из опыта собственного обучения и увиденного за границей, а также из общения с учеными и государственными деятелями. Тем не менее, ясно было одно – новая царская библиотека должна была принадлежать, как и прежде, государю и одновременно быть публичной, вход в которую два раза в неделю «всякому свободен». Значение этого факта даже сегодня трудно переоценить. С маленького объявления в петербургской газете «Ведомости» от 26 ноября 1728 г. (№ 95. – С. 383–384) в России начинается формирование важнейшее правило библиотечной работы – обеспечение общедоступности национального книгохранилища для всех читателей.

Молодая Россия прилагала значительные усилия и потратила огромные средства на организацию в северной столице библиотеки нового типа, которой за первые сорок лет существования удалось сформировать язык общения между набирающей силу академической наукой Петербурга и Западом, превратиться в международный центр притяжения научной и общественной мысли, создать комфортную информационную среду, открытую и доступную для зарубежных партнеров. Особая тема – читатель БАН – удивительный феномен русской культуры, формировавшийся вместе с библиотекой. Но

Валерій Павлович Леонов, д-р пед. наук, професор, директор Бібліотеки Російської академії наук.

БАН это еще и сотрудники: библиотекари, библиографы, книговеды, историки, филологи – личности, прошедшие через ее жизнь, отдавшие ей свои лучшие годы и оставившие в ней неизгладимый след.

...Библиотека как социальный институт предназначена соединять, сближать под одной крышей людей самых разных возрастов и профессий. И в этом она похожа на церковь, да это и неудивительно, ведь первыми хранилищами и популяризаторами книг как раз и были монастыри и церкви – источники формирования библиотечного процесса. Сотни примеров можно привести, как библиотека помогала и помогает выжить, спастись и возвратиться к нормальной жизни. В свою очередь, то же происходило и с БАН, особенно в периоды потрясений (революции, войны, блокада). Открывая себя тысячам душ, библиотека как бы напоминает людям об их изначальном сообществе. И в этом состоит счастье работать в библиотеке и любить ее. Но любить БАН – значит нести тяжкий крест...

Огромную библиотеку можно изучать, начав с архитектурных сооружений, обзвывая здания, в которых она находилась, постепенно углубляясь во внутреннюю жизнь. Ознакомительная, поверхностная, казалось бы, экскурсия по местам размещения предшественницы библиотеки Академии наук (Летний дворец, Кикины палаты, Университетская набережная, дом Демидовых, Биржевая линия) останавливает наше внимание на мелочах, которые при углубленном постижении, тем не менее, вдруг оказываются очень важными для познания ее истории.

Задержимся на мгновение на трех периодах: XVIII в. – БАН единственная публичная и научная библиотека в России; с XIX в. до 1921 г. – БАН разделена на Русское и Иностранное отделения; с 1921 г. до сегодняшнего дня находится в стадии постоянного структурного преобразования. Краткая хроника основных событий выглядит примерно так. Царь-реформатор, царь-новатор осознал необходимость создания в новой российской столице библиотеки и сам явился ее организатором. Постепенно она расширяется, растет ее известность, о БАН пишет во втором томе своей «Энциклопедии» Дидро, она становится полноправным национальным книгохранилищем – получает обязательный экземпляр уже не только академических изданий, но и всех выходящих в России публикаций.

В 1795 г. объявляется о создании другой библиотеки в Петербурге – Императорской публичной, что болезненно скажется на дальнейшем становлении и развитии БАН. Сформулирую одну из «загадок» для современников: почему при наличии с 1714 г. академической библиотеки Екатерина II решает основать новую императорскую, на этот раз публичную библиотеку?

Загадка для современников осталась загадкой для нас и, по-видимому, так и останется неразгаданной. Это событие было описано и документировано полно и тщательно многими его очевидцами и участниками. Но чем дальше отступает оно в прошлое, тем больше гипотез и легенд создается вокруг него.

БАН оставалась верной служению науке, вся ее деятельность была направлена на это, и, возможно, академики и библиотекари не помышляли иное. Может, деятельность Академии наук и БАН показалась Екатерине II «узким» местом в идеологии эпохи Просвещения, поскольку радикально менялась культурная ситуация? Мы никогда не получим исчерпывающего ответа на этот вопрос, но сравнение научного и культурного окружения библиотек на первое место выводит влияние фактора *среды* на их развитие. А в среде вокруг новой библиотеки с самого начала (1814 г.) прививались литературные и культурные традиции, сочетавшиеся с идеологией публичной библиотеки (чего не было в академической среде). Эти традиции были продолжены в Москве, когда в 1862 г. стало известно о новой библиотеке – библиотеке публичного Румянцевского музея (позднее – Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, переименованной в 90-е годы ушедшего столетия в Российскую государственную библиотеку).

Так или иначе, но в течение XIX и в начале XX в. БАН постепенно оттесняется на второй план, разделение на два самостоятельных отделения усугубляют ее неустойчивое положение. После 1921 г. она попадает в тиски бюрократии, ее, как и Академию наук, последовательно обвиняют в служении сначала царизму, много позже – большевикам и КПСС. Библиотека постоянно испытывает дефицит денег, помещений, ей угрожают затопления и пожары. В общем ее можно рассматривать как еще одну жертву науки и культуры не только советского периода, но и перестройки и, наконец, современного этапа преобразований в России. Даже такой взгляд на БАН, не приспособившуюся к режиму власти и оказавшуюся «лишней», побуждает исследователя к изучению и анализу всех трех периодов ее жизни, которые можно представить в виде нисходящей кривой. Как это понять? Что дальше, безысходность?..

Прошлая жизнь дает много информации для понимания сегодняшнего состояния библиотек. Взлеты и падения отражались на их судьбах с завидным постоянством. Вот еще несколько идеологических «узлов» для исследователей.

Чего, например, стоили усилия по организации переезда БАН из Ленинграда в Москву в 30-е годы! Немногим известно, что на 12 июня 1942 г. планировалось празднование открытия Библиотеки Академии наук СССР в новом здании на Крымском валу. По моей просьбе библиограф БАН Н. Н. Елкина подготовила краткую справку об этих событиях.

В период с 1934 г. по 1938 г. Правительство СССР организовало специальную Библиотечную комиссию для подготовки документации о полной реорганизации БАН и создания проекта ее нового здания в Москве. Ее возглавил академик И. В. Гребенщиков. В разработке проекта принимали участие: архитекторы И. Н. Кудрявцев и Д. Д. Пашенко (архитектурно-пространственное решение нового здания и ансамбль с окружающими его строениями), архитектор И. В. Жолтовский (внутренняя планировка здания), С. А. Зайцев – эксперт по консерва-

ции и реставрации документов и архитектор А. В. Щусев, ответственный за освещение книгохранилищ.

Новое здание должно было объединить Президиум АН с Библиотекой, присоединив к ней фундаментальную библиотеку общественных наук (ныне ИНИОН) и библиотеку Ленинградского института материальной культуры. Суммарный фонд реорганизованной БАН предполагался в 10 млн томов. Строился новый гигант советской науки.

На ход дальнейших событий повлияли два «особых» мнения члена комиссии академика Д. С. Рождественского. Он предложил: 1) придать будущей БАН статус Правительственной библиотеки (по аналогии с Библиотекой конгресса США), а затем – 2) подверг сомнению необходимость существования в Москве Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, аргументировав это тем, что ее фонды – 6,5 млн томов – во многом будут дублировать и качественно совпадать с фондами новой БАН.

Тем не менее в 1941 г. строительство здания продолжалось, и на 12 июня 1942 г. было запланировано новоселье. Великая Отечественная война разрушила все эти планы, а затем они и вовсе были преданы забвению.

...Это потом, уже как реакция на отсутствие универсальной академической библиотеки в Москве, с начала пятидесятых годов в течение двадцати лет в столице появятся новые или реорганизованные информационно-библиотечные институты: ВИНТИ, ИНИОН, Библиотека по естественным наукам (БЕН РАН)¹. Координация библиотечной деятельностью в Академии наук начнет медленно разрушаться, преобладать начнут локальные интересы...

Получается странное, на первый взгляд, заключение: чтобы понять библиотечный мир, одного профессионализма недостаточно. Но это странно только на первый взгляд. В библиотечном мире нужно пожить (хоть какое-то время), «пропустить» его через себя, побыть с ним в контакте, почувствовать, что в нем когда-то происходило.

Например, почувствовать и понять, что благодаря не только фактору «среды» БАН как первая национальная, публичная и универсальная библиотека XVIII столетия оказалась практически вытесненной из истории Российского государства и эпохи Просвещения. Сегодня в основу профессионального библиотечного праздника страны положен не 1714 год (основание Петром I императорской библиотеки), а год 1795 – дата основания императорской публичной библиотеки Екатериной II. И это не случайно. Так переписывается библиотечная история. Еще пример. В вышедшем недавно тиражом 10 тыс. экз. трехтомном «Российском гуманитарном энциклопедическом словаре» (М.; СПб., 2002), при участии 450 авторов, а раздел «Книговедение и библиогра-

фия» курировался А. Н. Антоненко, статьи о Библиотеке Российской Академии наук нет вообще. Есть статьи: «Анекдот», «Водка», «Бокс», а БАН нет. Видимо, осталась вне поля зрения петербургских гуманитариев как не заслуживающая особого внимания среди других библиотек.

Для того, чтобы попытаться увидеть будущее наших библиотек, разобраться и понять смысл библиотечных проблем, может легче опереться не на вчерашний, а на позавчерашний исторический день? Перефразируя З. Фрейда, можно сказать: «изучите детство интересующего вас человека – и вы поймете все». И тогда мысли Петра, Шумахера, Блюментроста, Ломоносова, их видение Библиотеки, общие понятия и правила, сформировавшиеся в XVIII в., пригодятся, смогут послужить ключом к пониманию положения дел сегодня? С этой целью мною и была предпринята попытка теоретической «реконструкции» объекта, известного всему миру как Библиотека Академии наук².

В процессе исследования выяснилось, что на каждом витке истории люди, приближенные к власти, и сама власть постоянно изменяли, а порой извращали исходный замысел и образ БАН как национальной русской библиотеки, подчиняя ее своим интересам и вкусам. Взаимоотношения, в результате которых происходили и происходят эти изменения, можно «уложить» в обобщенном виде в следующую схему, которая будет ясна, говоря словами Пушкина в «Моцарте и Сальери», как простая гамма.

С одной стороны, БАН как память человечества, с другой – бездуховность; БАН как национальная библиотека России и ведомственный практицизм; БАН как комфортная информационная среда и неблагоприятная «наружная атмосфера» (по С. Ф. Платонову); БАН как общество профессионалов и насилие над личностью. Видимо, Библиотеке так и не удастся вернуться к той, которая была задумана ее создателем.

БАН представляет собой срединный этап в русской библиотечной истории. Она стала первой национальной библиотекой нового типа, ее внутренняя природа соответствовала потребностям XVIII в. В сотворении этой библиотеки проявилось не только влияние внешних условий, но и сказалось сильное индивидуальное начало. В течение столетия, выполняя волю Петра и следуя установленным им традициям, она динамично развивалась. Это было время, когда императорская библиотека переживала «романтический» период своей истории. Она стала библиотекой, которая не только отвечала требованиям внешней среды, сколько эту среду собой представляла.

В XIX в. БАН вошла измененной, разделенной на два отделения, с двумя директорами, разными финансированием и задачами обслуживания нужд академической науки. На смену романтическому периоду при-

¹ На сегодняшний день совокупный фонд академических библиотек России составляет 63 млн единиц хранения, 21 млн из которых – в Санкт-Петербурге, колыбели Академии.

² *Леонов В. П. Судьба библиотеки в России: Роман-исследование.* – СПб.: Изд-во Библиотеки РАН, 2000. – 415 с.

шел реалистический. Это была ориентация на другую жизнь, туманную и неизвестную. Однако благодаря собранию рукописей и книг она заняла настолько важное место в мире, что по-прежнему была нужна широчайшему кругу читателей. БАН, оставляя многое позади, стремилась вперед, навстречу читателю, не доводя даже оригинальные свои разработки, например, классификационную систему К. Бэра, до внедрения. Они так и остались в единственном экземпляре, невостребованными другими библиотеками. Национальная по рождению, она не утрачивает своего значения, но заметно снижается ее официальный статус: в глазах власти она всего лишь ведомственная библиотека. Вся ее жизнь теперь определяется ролью и значением Академии наук в обществе, авторитетом ее президента. А этого было недостаточно, чтобы поддержать и развивать потенциальные возможности БАН. В итоге, прочные в прошлом контакты с другими крупными библиотеками ослабевали.

И тем не менее, к началу XX в. она оставалась все еще первоклассной библиотекой, в которой работали такие выдающиеся ученые, как А. Шахматов, К. Залеман, В. Срезневский, Н. Никольский, С. Платонов. В начале 20-х годов Библиотека снова стала управляться одним директором. Казалось, худшее позади, и вот-вот наступят лучшие времена.

«Академическое дело 1929–1931 гг.» похоронило все надежды на возрождение БАН, и с 30-х годов она постепенно превращается (продолжая литературоведческую терминологию периода «социалистического реализма») в ведомственную, еще более изолированную, в ту, которую мы в студенческие годы изучали по статьям и учебникам как Библиотеку Академии наук СССР, выполняющую функции главного методического центра по отношению к библиотекам академической системы.

Исторически сложилось так, что Академия наук в России не признавала и не признает библиотековедение и библиографоведение как академические дисциплины. Это отношение к ним, отчасти, кроется в том, что представители естественных наук, избираемые обычно президентами Академии наук, не относят библиотековедение к наукам, заслуживающим места в отделе РАН. (Считая его прикладной, во многом субъективной, слабо контролируемой дисциплиной.) Видимо, чтобы лучше осуществлять контроль, все крупные академические библиотеки и институты информации подчинили Президиуму, но в результате они оказались бесхозными и незащищенными перед новыми политическими или финансовыми потрясениями. Вот почему библиотеко- и библиографоведение традиционно развивалось и развивается в неакадемических учреждениях: в вузах культуры и искусства, педагогических институтах, а теперь – в университетах и академиях культуры и искусств.

Неверно реализованная тенденция объединения академических библиотечно-информационных ресурсов в стране, распыление научных сил вели и ведут объективно к снижению уровня качества библиотековедческой науки, что укрепляет старое представление, бытующее в Академии наук и сегодня, о библиотековедении

как о не науке, которой занимаются не настоящие ученые, а любители.

...Феномен БАН – это почти три века споров, ошибок, прозрений, раздумий с участием А. Богданова, С. Котельникова, К. Бэра, А. Куника, А. Шахматова, С. Платонова и других «не самых темных» людей.

Если говорить о настоящем времени, то постижение БАН начинается с трудностей определения отношений Библиотеки с внешней средой, средой обитания, где ее оппонентами выступают не только Президиум Академии наук и Академия в целом, но и город Санкт-Петербург, в котором главная библиотека Академии наук с 30-х годов XX века оказалась оторванной от своего московского руководства. В результате, мы, находясь внутри БАН, остались со своими проблемами, которые хорошо знаем и понимаем, один на один. (Как иначе объяснить факт, что несмотря на неоднократные обращения о присвоении БАН статуса объекта национального достояния народов Российской Федерации мы до сих пор его не получили?) Для того, чтобы составить адекватное о ней представление «наверху», нужна отправная точка для анализа «снаружи», но ее нет. И получается, что Академия наук и город, влияя на БАН, не понимая ее внутренней жизни, изменяют Библиотеку по-своему. Как, в какую сторону?

В первом приближении выход видится в формировании в системе Академии наук самостоятельного библиотечного подразделения. Это даст возможность наладить постоянное общение с академической наукой, построить конструктивный диалог с учеными таким образом, чтобы изменить их видение деятельности БАН, чтобы можно было избежать стратегических ошибок в определении этапов и путей развития главной Библиотеки Российской Академии наук.

Великая библиотека является и великой индивидуальностью. Мы воочию убеждаемся в многообразии великих библиотек. При несомненной общности они своеобразны, у каждой есть особенное и неповторимое. Как-то само собою возник вопрос: какая из национальных библиотек России имеет счастливую судьбу: БАН или Российская национальная библиотека, Российская национальная или Российская государственная библиотека? И что это такое вообще – счастливая судьба библиотеки? (Так и напрашивается ответ, что каждая библиотека несчастлива по-своему.)

...Как жить дальше? Психологи считают, что разница между живым и мертвым состоит, помимо всяких физиологических подробностей, в том, что мертвое всегда равно самому себе. Живое – удваивает мир, и этот мир не является копией мира материального. Так и библиотека. Она не может быть равна самой себе. Этот тезис в форме библиотечного закона сформулировал индийский библиотековед Шиали Ранганатан: «Библиотека, – заключил он, – растущий организм».

Между духовным содержанием процесса и его материальным обеспечением существует некоторый промежуток, разница, которую ученые называют «дельтой». Вот ее-то у нас пытаются отнять, вычеркнуть. Когда

проверили алгеброю бібліотечну гармонію, то бібліотечне дело поступово превратилось в функціональний придаток культури і науки. Стала зникати духовність. Чиновники, розсуджуючі наверху о культурі і науці, самі по собі, БАН – «сама по собі» в супротивленні падінню вниз, в бажанні вирішити проблеми.

В судбі БАН, особливо в судбі її керівників, помітну роль грала не випадковість, а закономірність життєвих компромісів. Рядові бібліотекарі йдуть на компроміси, більшою частію не помічаючи цього або не задумуючись над їх наслідками. У керівника все складніше. Його поступки, як правило, відображаються не тільки на подальшій діяльності колег, але і виходять за межі бібліотеки. В них проявляється подвійність його положення: особисте відношення до трапляючогося і відповідальність за доручене йому заклад.

...Почти три століття Бібліотеку Академії наук возносили на п'єдестал і свергали з нього. І не звертали уваги на те, що як-то незаметно перша національна російська бібліотека, гідна по якості і

кількості своїх фондів стоїть в одному ряду з Національною бібліотекою Франції, Британською бібліотекою, Бібліотекою конгреса США, Російською державною і Російською національною бібліотеками, була замінена мармурним подвійником, однаково зручним для поклоніння і поношення.

Но історія дає нам і урок: те, що вона поглинає, вона повертає назад. БАН повільно, але наполегливо повертається. Головна її досягнення в ХХ в., рівно як і в вітчизняній бібліотекознавчій думці, в тому, що Бібліотека Академії наук содействовала і содействует пошуку історичної правди, виходу з оточення спотворень. Відповідно, у неї є не тільки велике минуле, але і теперішнє і майбутнє. БАН на площині Сахарова сьогодні – це перша національна російська бібліотека – пропуск для нових поколінь читачів в минуле бібліотечної справи, науки і культури країни. БАН на порозі ХХІ століття – це національна російська бібліотека Російської академії наук – послання з минулого теперішньому і майбутньому Росії.

Культурно-просвітницька діяльність НБУВ

Ми духом незламні

Таку назву мала Всеукраїнська громадська акція, яка проходила наприкінці 2002 року в Україні. У ній взяли участь Всеукраїнська благодійна організація інвалідів та пенсіонерів «Обличчям до істини», Фонд соціального страхування від нещасних випадків на виробництві та професійних захворювань України, Народна академія творчості інвалідів, Всеукраїнський фонд відтворення видатних пам'яток історико-архітектурної спадщини ім. Олеса Гончара, Український видавничий консорціум, Всеукраїнська громадська організація «Інваліди Чорнобиля» та найбільші бібліотеки України.

У рамках Арт-проекту, присвяченому Міжнародному дню інвалідів, цикл заходів організувала і провела Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського. Зокрема, на виставці «Чорнобиль – біль мій» експонувались графічні твори Жоржа Шанаєва та документальні фотоматеріали Сергія Грицяя, які брали участь у спорудженні «саркофагу» над 4-им аварійним блоком Чорнобильської АЕС. У малому виставковому залі Бібліотеки з успіхом пройшла виставка робіт образотворчого мистецтва «Ми духом незламні», що презентувала читачам 23 твори семи авторів-інвалідів.

Європейська Комісія проголосила 2003 рік «Роком інвалідів європейських країн». Це рішення було прийнято на засіданні Ради Європи 3 грудня 2001 року. Головною метою запланованих заходів є забезпечення рівних прав для інвалідів у суспільстві та поліпшення ситуації навколо цієї категорії людей.

У нашій державі 2003 рік проголошено «Роком культури в Україні». З огляду на це НБУВ спільно з Народною академією творчості інвалідів та Київським міським центром роботи з інвалідами збрала всіх зацікавлених на засідання круглого столу «Проблеми соціально-культурної реабілітації інвалідів».

В Україні, як і багатьох інших державах, вирішенням соціальних проблем інвалідів займаються відповідні інституції,

які мають певний досвід роботи. Проблеми ж культурної, творчої реабілітації цієї категорії громадян нашого суспільства залишаються не вирішеними.

Історія інтелектуального розвитку людства свідчить про значний внесок у ці досягнення людей з обмеженими фізичними можливостями. На думку вчених, інтенсивна творча діяльність поліпшує фізичний і психологічний стан індивідуума-інваліда, лікує тіло і душу. Практична медицина підтверджує лікувальну ефективність творчої діяльності людей з обмеженими фізичними можливостями. Тому сьогодні особливо актуальним є обговорення проблеми соціально-культурної реабілітації інвалідів.

Даний захід був спрямований на залучення широкого кола фахівців, які займаються цими проблемами, а також самих інвалідів. Зі вступним словом про роль бібліотек у вирішенні проблем соціально-культурної реабілітації інвалідів до учасників заходу звернулася керівник культурно-просвітницького центру Н. Б. Захарова. З доповідями виступили: президент Народної академії творчості інвалідів О. І. Александрова, член Народної академії творчості інвалідів, художник-графік, інвалід-чорнобилець Ж. І. Шанаєв, старші наукові співробітники НБУВ, канд. іст. наук О. В. Воскобойнікова-Гузєва та канд. іст. наук Н. Г. Солонська, завідувачка відділу обслуговування Республіканської бібліотеки імені М. Островського (для сліпих) Л. Г. Кагановська та директор Будинку культури імені Я. П. Батюка УТОС В. С. Лелека.

Учасники круглого столу ознайомилися з творчістю члена Спілки художників України, інваліда загального захворювання Д. Г. Якутовича та художниці-аматорки, інваліда з дитинства Т. Багнюк.

*Антоніна Шеремет,
завідувачка науково-просвітницького
сектору КПЦ*